

Кэти М. Ди

Там, где
кончаешься ты

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кэти Ди

Там, где кончаешься ты

<https://litres.ru/73922944>

SelfPub; 2026

Аннотация

София Волкова мертва. Ее жизнь сгорела в огне предательства, а на пепелище родилась Влада Громова — женщина, которой больше нечего терять. Но судьба распорядилась иначе: из рук одного врага она попадает в капкан другого.

Максим Крестов — человек, чье имя заставляет содрогаться город. Он украл ее прямо из-под носа опасного врага, объявив своей собственностью. Для него она — редкая белая птица, пойманная в золотую клетку его одержимости. Он готов сжечь весь мир, лишь бы укрыть её от чужих глаз и оставить только себе.

Влада жаждет свободы. Она ненавидит его контроль и его маску, за которой скрывается настоящий зверь. Но в этом противостоянии есть опасная ловушка: чем сильнее она бьется о прутья, тем слаще кажется его тьма. Сможет ли она сбежать, когда его руки станут единственным спасением, а его тень — единственным домом?

Содержание

«Тень его крыльев»	4
ПІЛІЕЙЛІІІСІТ	5
Пролог	8
"1" Вкус пепла	28
Ангел	28
"2" Влада Громова	42
Ангел	42
"3" Похороны	51
Ангел	51
"4" Вкус обладания	69
Дьявол	69
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Кэти Ди

Там, где кончаешься ты

«Тень его крыльев»

ВНИМАНИЕ:

«Эта история была написана, чтобы исследовать самые темные уголки человеческой жестокости.

В ней присутствуют сцены изнасилования и физического насилия, которые могут вызвать дискомфорт.

Пожалуйста, берегите себя и приступайте к чтению только в том случае, если уверены в своих силах».

Все персонажи в тексте старше 18 лет.

ПЛІЙЛІСІТ

Gesaffelstein – Pursuit

Two Feet – Go Fuck Yourself

Arctic Monkeys – Do I Wanna Know?

Labrinth – Mount Everest

ZHU – Faded

Woodkid – Iron

The Weeknd – Often

Billie Eilish – You Should See Me in a Crown

Sevdaliza – Human

Chase Atlantic – Into It или The Hills – The Weeknd

MISSIO – Can You Feel It

Tomme Profitt feat. Fleurie – In the End

*История о том, как ангелы влюбляются в своих палачей,
а свобода проигрывает той самой «ненормальной» любви.*

В книге вас ждут:

Властный и одержимый герой;

Тайны кланов и криминальные интриги;

Эмоции на грани и обжигающая страсть.

Сильная героиня, ищущая свой путь;

Пролог

Десять лет. Именно столько я держу в кулаке клан «Крест». Когда отец погиб, я не просто занял его место — я выжег себе право называться его преемником. В нашем мире не выбирают чистоту, здесь выбирают калибр оружия и глубину могил. Мои руки в крови с пятнадцати лет, и я давно перестал считать тех, кто нашел на моем пути свой финал. Мой отец годами бодался с Андреем Волковым. Его банда всегда любила играть грязно, но они совершили фатальную ошибку, забыв одну истину: я обожаю грязные игры.

Я — Максим Крестов, и моя фамилия говорит сама за себя. Я — точка в истории любого, кто рискнет посягнуть на мой бизнес.

За десять лет правления я привык, что у всего в этом городе есть своя цена. Но два года назад система дала сбой. Я встретил её.

Случайное столкновение на улице перечеркнуло мою реальность. Хрупкая, почти невесомая фигура, кукольное лицо и золотой каскад волос, спускающийся до самых ягодиц. Но когда я заглянул в её глаза — пронзительно-голубые, как небо, которое я давно разучился видеть из своей преисподней, — я понял, что пропал. Пухлые губы, невинный взгляд... Она была как ангел. Мой ангел.

Она приковала меня к себе одним мимолетным запахом

клубники, даже не взглянув в мою сторону. Она просто торопилась по своим делам, исчезая в толпе, а я стоял и чувствовал, как внутри меня захлопнулся капкан.

Целый год я жил этой одержимостью. Я собирал её жизнь по крупицам, как сложную мозаику: любимые кофейни, маршруты до университета, случайные улыбки прохожим. Двадцатилетний «ангел», прилежно изучающий право. Ирония судьбы — она училась на юриста, в то время как я был воплощением всего беззакония этого города.

Узнав, чья она дочь, я должен был уничтожить её. Сделать её инструментом пытки для Волкова, сломать её, чтобы навредить врагу. Но разве я мог? Причинить вред своему ангелу значило вырвать собственное сердце. Вместо этого я стал её тенью. Следил из окон тонированных авто, караулил в сумерках и тайно заваливал подарками, которые она принимала с трогательным замешательством.

А ещё у неё был он. Блядский урод, который назывался её парнем. Ничтожество, которое смело касаться её кожи, а потом трахать её лучшую подругу за её спиной. Мои пальцы зудели от желания свернуть ему шею, но я ждал. Каждый раз, когда я видел из окна машины, как он целует её, провожая домой, как обнимает и вдыхает её аромат, я невольно доставал оружие. Мои пальцы до белизны сжимали рукоять. Я представлял, как размазываю его голову одним выстрелом, как брызги его грязной крови покрывают лицо моего ангела.

Я собрал на него и эту дрянь-подружку всё. Я был готов

подать ей эту правду на завтрак, на серебряном подносе. Я знал, что сделаю ей больно, разобью её хрупкое сердце, но будь я проклят, если бы оставил её ему. Она должна была увидеть, кто рядом с ней. А самое главное — она должна была стать моей.

Первым моим шагом к тому, чтобы превратить её в свою, стало одно короткое сообщение.

Я отправил ей адрес кафе, где Олег — это ничтожество — сидел с Вероникой. Они любезно обнимались, не скрываясь, пока мой ангелок, запершись в своей комнате, зубрила кодексы и готовилась к диплому. Я преподнес это так, словно её ждет сюрприз от «прекрасного Олега».

Я наблюдал за ней из темноты улицы. Видел, как в окне мелькает её стройная фигура. Она была безупречна в своем белом белье — чистое сияние, словно она только что спустилась с небес, чтобы наградить его за хорошее поведение. Его награда... Но этот урод её не заслужил.

Она сорвалась с места мгновенно. Она летела в то кафе на своих невидимых белых крыльях, сияя от предвкушения, но улыбка сползла с её кукольного лица, стоило ей войти внутрь. Она увидела их. Увидела, как они сидят вплотную, почти сливаясь в поцелуе.

Мой ангел... Она оказалась такой глупенькой. Наивное, милое дитя. Олег промямлил какую-то нелепую отмазку, и она — черт возьми! — поверила ему. Еще три дня она гуляла с ним под ручку, заставляя меня до хроста сжимать руль,

словно той сцены в кафе и не было. Она прощала его, пока я гнил от ярости в своей машине.

Вторым ходом я отправил ей аудио. Голосовое сообщение, где Олег воркует с Вероникой, обсуждая их поцелуи и то, как именно он будет трахать её следующей ночью. Грязные подробности, от которых меня самого воротило, должны были стать для неё отрезвляющей пощечиной.

Но Олег снова выкрутился. «Подстава», «нейросети», «кто-то хочет нас рассорить». Мне было до хрипоты смешно слушать его жалкий лепет. А моя милая Софи? Она просто кивала, соглашаясь, что это чушь. Наивное дитя. Она упрямо сворачивала с дороги, которую я ей расчищал.

Я хотел разбить её сердце бережно. Подтолкнуть, а не столкнуть в пропасть. Но её упрямство заставило меня пойти ва-банк.

Я отправил ей всё. Без купюр. Целую папку ссылок на записи с камер и фото.

Вот они в том самом кафе. Вот они в отеле. А вот видео с дорожной камеры, где Олег берет Веронику прямо на капоте машины, разрывая на ней платье. На кадрах отчетливо видна дата и время. Её день рождения. Тот самый день, когда они оба опоздали к праздничному столу, сославшись на «сломанный двигатель».

Там были запечатлены все их грехи. С четким таймкодом и в высоком разрешении. Из этой ловушки правды было уже не вырваться. Я стоял в тени под её окнами, глядя на свет в

её спальне, и ждал. Ждал, когда её «белые крылья» окончательно опалит огнем реальности.

Мой маленький ангел никогда не зашторивал окна. Вся её жизнь была для меня как на ладони — открытая, уязвимая, выставленная напоказ. Каждый раз, когда она переодевалась, не заботясь о приватности, я лишь тяжело качал головой, сжимая руль до хруста в костях. Никто не имел права смотреть на неё, кроме меня. Но об этой её беспечности я «поругаю» её позже, когда она будет в моей полной власти.

Сейчас было не до нотаций. Я наблюдал из темноты улицы, как она сидит за ноутбуком. Свет экрана выхватывал её сосредоточенное лицо. Сначала она просто хмурилась, активно листая мои ссылки, но затем её брови взлетели вверх от шока.

Я видел всё: как затряслись её пухлые губы, как первые тяжелые слезы покатались по щекам, разбиваясь о клавиатуру. Она поверила. Наконец-то её голубые глаза открылись, и пелена наивности спала, обнажая кровоточащую рану предательства.

Влада не стала плакать долго. В ней проснулась гордость Волковых. Она рывком схватила телефон, на ходу набрасывая куртку, и вылетела из дома. Спустя минуту её машина взревела мотором и сорвалась с места.

Она мчалась навстречу своей боли. А я, как верная тень, завел двигатель и последовал за ней.

На пляже у озера было почти безлюдно. Олег уже ждал

её, нервно переминаясь с ноги на ногу. Интересно, что мой ангелок написала ему в сообщении, чтобы он так покорно прилетел на эту встречу?

Я припарковал машину в тени деревьев, оставаясь невидимым, и приоткрыл окно. В салон ворвался запах озерной воды и шум ветра, а вместе с ними — звуки их разрыва.

Она вылетела из машины, утопая тонкими ремешками бо-соножек в песке. Шла быстро, решительно, словно карающий меч. Олег, этот идиот, расплылся в улыбке и потянул к ней руки, ожидая привычных объятий, но вместо них получил хлесткую, звонкую пощечину. Звук удара эхом разнесся над водой.

— Ты чертов урод! — её голос сорвался на крик, она тыкала ему в лицо телефоном, на экране которого застыл их позор с Вероникой. — Ты гребаный обманщик! Машина у вас сломалась? Принтер починить надо? Или ты с её братом «дружишь»? Ты просто трахаешь её у меня за спиной! Я ненавижу тебя!

Олег согнулся, пытаясь поймать её за руки, лепетал что-то про подставу, про фотошоп, но Софи уже не была той наивной девочкой. Она смотрела на него с таким презрением, что мне захотелось выйти и лично дохлопать его за неё.

А потом мой ангел сделала то, чего я от неё не ожидал. Коронно и ловко она прописала ему коленом прямо промеж ног. Удар был точным. Олег охнул, хватаясь за пах, и буквально сложился пополам на песке.

— Не смей ко мне подходить! — выплюнула она, возвышаясь над ним. — Иначе я всё расскажу отцу. Сам знаешь, он не будет слушать твои оправдания. Он просто закопает тебя в лесу.

Она развернулась, оставляя это ничтожество корчиться на берегу. Гордая, раненая и теперь... совершенно свободная от него.

Когда её машина скрылась за деревьями, я вышел из своего внедорожника. Ночной воздух остудил лицо, но внутри всё кипело. Я натянул маску, скрывая всё, кроме глаз, в которых для этого ублюдка не было ничего, кроме приговора.

Олег к этому моменту уже выпрямился. Он тяжело дышал, вытирая рот рукой, и в ярости распинывал песок, выплескивая обиду на ни в чем не повинный берег.

Я подошел почти вплотную. Мой хриплый смех заставил его вздрогнуть и резко обернуться.

— Вали отсюда, урод! — прошипел он, даже не понимая, кто стоит перед ним.

Я не стал тратить слова на это ничтожество. Одним рывком схватил его за шкурку, как паршивого пса, и поволок в сторону озера. Он дергался, что-то орал, пытался вырваться, но в нем было больше дерьма и страха, чем реальной силы. Моя хватка была стальной.

Я затащил его в холодную воду по пояс. Без лишних сантиментов обхватил его затылок и прижал лицом вниз. Пузыри воздуха яростно поднимались на поверхность. Он барах-

тался и тянул меня за куртку. Когда он практически перестал сопротивляться и начал захлебываться, я резко вытянул его вверх, давая сделать жадный, хриплый глоток кислорода.

— Увижу тебя еще раз рядом с Софи — и больше дышать не сможешь, — прорычал я ему в самое ухо, пока он отплевывался от озерной воды.

Тот вылупил глаза, в которых теперь плескался ужас. До него медленно доходило, что он столкнулся не с просто «неравнодушным прохожим».

— Забирай свою шлюху и проваливайте из этого города, — я толкнул его в воду еще раз, чтобы закрепить урок. — Даю вам двадцать четыре часа.

Я направился к машине, стряхивая капли воды с рук. Ботинки противно хлюпали, но мне было плевать. План шел как по маслу. Заведя мотор и выкрутив обогрев на максимум, я первым делом вывел на экран телефона камеры из комнаты моей Софи. Пусто.

Переключился на отслеживание её машины. Красная точка замерла у небольшого кафе-мороженого на окраине. Я нажал на газ.

Когда я подъехал, она сидела за длинным столом у самого окна. Мой маленький ангел выглядел разбитым: она тихо плакала, бессмысленно тыкая ложкой в стаканчик. Пришлось изрядно извернуться, чтобы переодеться в сухую одежду прямо в салоне машины, не выпуская её из виду.

Я вышел из автомобиля, приняв вид обычного прохоже-

го, зашел внутрь и заказал еще одну порцию клубничного — её любимого. Спокойным шагом подошел и сел за соседний стул. Влада даже не шелохнулась, продолжая изучать дно своего стаканчика.

Я молча пододвинул к ней свежую порцию и, сложив руки на столе, уставился в окно на неоновые вывески.

— Зачем мне это? — прохрипела она, наконец подняв на меня свои заплаканные глаза.

— Ваше совсем испортилось, — проговорил я, не поворачивая головы. — А я случайно взял клубничное. У меня на него аллергия. Возьмите, жалко, если пропадет.

— Спасибо... — она шмыгнула носом и потянулась к карману за деньгами.

Я даже не посмотрел на неё — любовался её профилем через отражение в темном стекле окна.

— Не нужно. Считайте, что просто угостил. Для хорошего настроения.

Я медленно встал со стула. Мое сердце пропустило удар, когда я оказался так близко. Я не удержался: протянул руку и осторожно заправил выбившуюся прядь её золотых волос за ушко. Кожа была нежной, как лепесток.

— Езжай домой, мой ангел, — негромко произнес я, вкладывая в эти слова двойной смысл, и вышел на улицу, оставив её в полном замешательстве.

Я больше не показывался ей на глаза — мне нужно было, чтобы она забыла мое лицо, стерла его из памяти как слу-

чайный эпизод.

Время близилось к лету. На носу висела защита диплома, и мой ангел буквально жила в учебниках. Олег со своей шлюшкой, как я и велел, исчезли из её жизни в ту же ночь, но в университете всё же появлялись — им нужно было доучиться.

Я наблюдал. Софи вела себя достойно. Олег обходил её по дуге, дрожа от одного воспоминания о холодной воде озера, а вот Вероника всё пыталась лезть с извинениями. В глубине души я желал, чтобы моя девочка вырвала этой дряни все волосы, как это обычно делают разъяренные женщины, но она была выше этого. Она просто выстроила вокруг себя ледяную стену, не замечая и не слыша предательницу.

В день защиты я был там.

Я проскользнул в зал и сел в самой глубине, в густой тени последних рядов. Она вышла к трибуне и у меня перехватило дыхание. Строгий костюм, кипенно-белая блузка, застегнутая под самое горло, и юбка-карандаш. На высоких каблуках она всё равно казалась крошечной и едва доставала до микрофона. Такая хрупкая среди этих стервятников в мантиях.

Я пришел сюда не только ради эстетического удовольствия. Моя разведка донесла: в комиссии сидит один старый урод, у которого давние счеты с семьей Волковых. Он собирался завалить её, превратить её идеальную работу в мусор.

Он еще не знал, что сегодня в этом зале за ним наблюда-

ет сама Смерть. И если он хотя бы посмеет скривить губы, задавая ей каверзный вопрос, его карьера — а возможно, и жизнь — закончится раньше, чем он успеет поставить оценку.

Я положил ладонь на рукоять пистолета под пиджаком и приготовился слушать.

Этот ублюдок мучил её два часа. Сто двадцать минут он пытался раздавить её своим заносчивым тоном и каверзными вопросами, буквально вгрызаясь в каждое слово. Я сидел в тени, сжимая кулаки так, что костяшки побелели. Он сам подписал себе приговор — за каждый лишний вопрос я лично лишу его языка, когда всё закончится.

Но моя девочка... она была великолепна. Ни одна мышца не дрогнула на её кукольном лице. Софи смело отбивала каждый выпад, отвечая четко и по делу. У старого стервятника не осталось аргументов, но он не отступал, надеясь измотать её.

Я видел, как она начинает нервничать. Только я мог заметить этот жест: то, как она сжимала свои пухлые губы в тонкую, напряженную полоску. Но она не сдалась. Она держала удар с таким достоинством, какого не было у половины моих бойцов. Достойная дочь своего клана. Несмотря на свою хрупкость и невинный вид, внутри неё стержень из холодного металла. И это мне чертовски нравилось. Это заставляло мою кровь кипеть от гордости и желания.

Когда допрос наконец закончился и её отпустили, Софи

выдохнула так тяжело, словно сбросила с плеч бетонную плиту. До объявления результатов оставалось полчаса. Тридцать минут тишины перед бурей.

Она вышла из зала в коридор, прислонившись к холодной стене и закрыв глаза. Я бесшумно поднялся со своего места. Пока комиссия совещалась, пришло время навестить нашего «многоуважаемого» профессора в перерыве. Он должен понять, что от его оценки зависит, выйдет ли он сегодня из этого здания своими ногами.

Я прошел через черный ход и без труда нашел нужную дверь. Этот жирный урод сидел там в одиночестве, набивая пасть бутербродом.

Я скрыл лицо под маской, а сверху защелкнул своеобразное наследство отца — металлический оскал медведя. Эта штука не просто пугала, она была оснащена модулятором, искажающим голос до неузнаваемого механического рыка.

Когда я вошел и провернул замок, звук щелчка заставил его вздрогнуть. Он обернулся, роняя крошки на свой дешевый пиджак, и выпучил глаза от ужаса.

— Чем... чем я могу вам помочь? — пролепетал он.

— Уже ничем, — отрезал я, мгновенно сокращая расстояние.

Я не стал церемониться и всадил ему кулак под дых. Профессор согнулся, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

— Оставь в покое Софию Волкову, — мой голос через

маску звучал как скрежет металла. — Иначе я выпущу твои кишки раньше, чем ты успеешь дотянуться до телефона. Кто бы тебя ни нанял, знай: твоё жирное тело будет первым валяться в канаве.

Тот лишь мелко закивал, в ужасе поднимая дрожащие ладони.

— Понял... всё понял... — прохрипел он, обливаясь холодным потом.

Я вышел из кабинета так же бесшумно, как и вошел.

Спустя пятнадцать минут Софи объявили результат. Она набрала высший балл. Я видел через приоткрытую дверь, как она засияла, как расслабились её плечи. Моя работа здесь была закончена. Я покинул здание университета, не дожидаясь финала церемонии.

Я сидел в кабинете, утопая в дыму дорогой сигары, когда дверь едва не вылетела с петель. Гриша, моя правая рука и единственный человек, которому я доверял прикрывать свою спину, ворвался внутрь. Он тяжело дышал, а в его глазах я увидел то, чего не было там годами — чистый, неразбавленный хаос.

— Макс, там... Началось. Нападение на Волков, — выдохнул он, едва сдерживая хрип. — Я поднял всех наших, машины на низком старте.

Я даже не повел бровью, стряхивая пепел.

— Какое мне дело до этой своры псов? Пусть грызут друг другу глотки.

— Ты не понял, Макс! — Гриша почти закричал. — Напали прямо на особняк Андрея Волкова. Ты сказал докладывать все, что связано с Софи.

Я не помню, как вскочил. Кресло с грохотом отлетело к стене. На ходу вырывая телефон, я вывел изображение со скрытых камер в её спальне. Мой ангел мирно спала, разметав золотые волосы по подушке, в то время как за дверью её комнаты уже творился ад.

Я набрал её номер со скрытого, «чистого» телефона. Один гудок. Второй. На третьем она ответила — голос был сонным, глубоким и таким беззащитным, что у меня внутри всё перевернулось.

— Алло?.. — прохрипела она.

— Закрой дверь изнутри. Прямо сейчас. Подопри её кодом, — прошипел я, уже вылетая из дома к ревущему внедорожнику. — Сделай это, ангелок.

— Кто... кто это? — её голос дрогнул.

— Спрячься под кровать и не издавай ни звука. Я заберу тебя оттуда, слышишь?

— Я не понимаю... Что происходит? Кто вы?!

Я нажал на газ, выжимая из машины невозможные обороты.

— Не заставляй меня повторять дважды. Я этого очень не люблю, ангелок, — мой голос превратился в рокот, не терпящий возражений. — Закрой дверь и под кровать. Живо!

Я видел через объектив камеры, как она замерла, недо-

уменно глядя на экран телефона, пока осознание не ударило её в голову вместе с первым грохотом выстрелов в коридоре. Софи подорвалась с постели, и в её глазах отразился такой ужас, что мне захотелось задушить каждого, кто посмел её напугать.

Я не переключал камеры. Мне плевать было на то, как вырезают клан Волкова в соседних комнатах. Весь мой мир сузился до этого маленького квадрата на экране, где моя девочка, спотыкаясь и дрожа всем телом, навалилась на тяжёлый комод. Её маленькие ладошки скользили по лакированному дереву, она вздрагивала от каждого крика за дверью, но не сдавалась.

Когда комод скрежетнул, перекрывая вход, она юркнула под кровать, сжавшись в комок. В руке она всё ещё судорожно сжимала телефон — маяк, который мог выдать её положение любым случайным звуком или светом экрана.

«Откинь его в сторону», — быстро набил я сообщение.

На камере промелькнуло, как аппарат послушно проскользил по паркету из-под кровати к самой стене.

— Черт, умничка, — прошептал я сам себе, чувствуя, как внутри разливается тягучее, темное удовлетворение. — Послушный ангел.

Я уже видел огни поместья впереди.

— Просто сиди там, что бы ни случилось, — прорычал я, скидывая автомат. — Твой дьявол уже на пороге.

Я не пошел через парадный вход. Там было слишком мно-

го шума, слишком много лишней крови, которую моему ангелу видеть не стоило. Пока мои люди зачищали первый этаж, превращая холл в филиал ада, я направился к стене, где окно Софи выходило на сад.

Натянув маску с оскалом медведя, я проверил крепление перчаток, подготовил отступление и по пожарной лестнице взлетел на второй этаж. Глупенькая девчонка... Окно было приоткрыто. Она никогда не заботилась о безопасности, даже когда мир вокруг рушился. Отодвинув тяжелую штору, я бесшумно соскользнул в комнату.

В ту же секунду в дверь снаружи кто-то яростно навалился. Раздался оглушительный выстрел — пуля прошила замок, но дубовый комод, который она так послушно пододвинула, держал оборону.

Я не терял ни секунды. Шагнул к кровати и рывком откинул свисающее покрывало. Софи сжалась в комок, её глаза были огромными, полными ужаса, а ладонью она так сильно зажимала рот, что костяшки побелели.

Я дернул её на себя, вытаскивая из-под каркаса. Она издала короткий, сдавленный вскрик.

— Тшшш, ангелок, — мой голос, искаженный модулятором маски, прозвучал как хрип зверя. — Мы же не хотим умереть здесь, верно?

Она замерла, глядя на мой жуткий облик.

— Да, это я звонил, — отрезал я, не давая ей времени на вопросы.

Я рывком поставил её на ноги. Она была такой крошечной в своей тонкой сорочке, дрожащей, как подбитая птица. Я тут же накинул на неё свою тяжелую куртку и буквально выпихнул её к окну. Софи шипела, пыталась сопротивляться, цепляясь за подоконник, но против моей силы у неё не было шансов.

Как только она оказалась на карнизе, я протиснулся следом. Сзади комод уже трещал под топорами похитителей, еще пара секунд — и они ворвутся.

— Прыгаем, — бросил я.

Я обхватил её одной рукой за талию, прижимая к себе так крепко, чтобы не дать ей ни шанса вырваться или удариться. Другой рукой я намертво зажал ей рот, обрывая любой возможный крик. Мы рухнули вниз, в густые заросли сада прямо на огромный стог жухлой травы. Я принял весь удар на свою спину, не выпуская свой драгоценный груз.

Я рванул с места, едва коснувшись земли. Перекинул её через плечо, как добычу, которую не собирался делить ни с кем. Софи была легкой, почти невесомой.

Из окна её спальни тут же высунулись двое — разъяренные псы, осознавшие, что трофеей ускользает. Воздух прошили пули, свистя над самым ухом и вгрызаясь в кору деревьев, но я лишь оскалился под маской. Пули — капризные твари, они чувствуют страх, а я давно забыл, что это такое. Я маневрировал между кустами, прикрывая её хрупкое тело своим, пока мы не достигли тени, где ждал заведенный вне-

дорожник.

Я буквально втолкнул её на заднее сиденье, не церемонясь — сейчас было не до манер. Прыгнул за руль, и мотор взревел, отвечая моей ярости. Гравий брызнул из-под колес, когда машина сорвалась с места, превращаясь в черную молнию на ночной трассе.

— Кто ты? Куда ты меня везешь?! — она вцепилась в мою футболку, дико дергая ткань. Ее ногти впивались в мою кожу даже через плотный хлопок. — Останови машину! Там мои родители! Останови!

Она шипела, срываясь на крик, но я не шелохнулся. Я давил на газ, пока огни поместья Волкова не превратились в едва заметное пятно в зеркале заднего вида. Только когда я понял, что мы на достаточном расстоянии и хвоста нет, я резко ударил по тормозам.

Я вышел из машины, рывком распахнул заднюю дверь и вырвал ее с сиденья. Софи не собиралась сдаваться — она извивалась, била меня кулачками в грудь, пытаясь вырваться, но я снова перехватил ее через плечо и быстрым шагом направился вглубь леса.

— Пусти! Ублюдок, пусти меня! — ее голос дрожал от ярости и слез, а удары становились всё слабее.

Я чувствовал, как ее мягкие бедра прижимаются к моему плечу, и сжал их сильнее, фиксируя ее тело. Гнев начал закипать внутри, вытесняя воздух.

— Ангелок, ты слишком сильно шумишь, — прошипел

я, останавливаясь и слегка встряхивая ее. — Хочешь пулю в лоб? Прямо здесь, в этой глуши?

Она тут же замерла. Я почувствовал, как она задержала дыхание, оцепенев от моего ледяного тона.

Добравшись до замаскированной стоянки, где меня ждал сменный автомобиль, я наконец поставил ее на землю.

— Черт... — выругался я, глядя на ее босые ноги.

Не раздумывая, я сорвал с себя футболку. Оставшись с голым торсом, я расстелил ткань на влажной траве прямо перед ней.

— Встань сюда. И стой смирно. Буквально десять минут, — приказал я, глядя ей прямо в глаза. — Не вздумай бежать. В этом лесу ты не проживешь и получаса без меня.

Не дав ей вставить ни слова, я развернулся и сорвался с места, направляясь обратно к первой машине, чтобы уничтожить следы и забрать вещи. Она осталась стоять на моей футболке — маленькое белое пятно в центре черного леса, полностью подчиненная моей воле.

Я забрал всё необходимое — оружие, документы и «чистые» телефоны. Облил салон бензином, не жалея топлива. Отойдя на безопасное расстояние, я бросил зажигалку. Пламя жадно слизнуло капли горючего, превращая мой внедорожник в погребальный костер для всех улик.

Я уже бежал обратно к ней, когда за спиной раздался оглушительный хлопок — машина полыхнула, а спустя мгновение взлетела на воздух, осветив лес багровым заревом.

Софи стояла на моей футболке, вцепившись пальцами в края моей куртки, и во все глаза смотрела на огонь. Она выглядела как потерянный ребенок. Я не дал ей опомниться — подхватил под локоть и буквально затащил в новую, заранее подготовленную машину.

На этот раз я усадил её на переднее сиденье. Мне нужно было видеть её лицо.

— Пристегнись, — бросил я, заводя мотор.

Она не шевелилась, просто смотрела перед собой остекленевшим взглядом. Я сам дотянулся до ремня, на мгновение прижавшись к ней всем телом. Она вздрогнула, почувствовав жар моей кожи — я ведь так и остался без верха. Защелкнув замок, я ударил по газам.

Теперь пути назад не было. Мы ехали по глухим тропам, подальше от особняка, подальше от её прошлого. Софи молчала, лишь изредка вздрагивая, когда ветки деревьев хлестали по лобовому стеклу.

Впереди, среди густых сосен, уже показались очертания моего высокого забора. Кованые ворота начали медленно открываться, впуская нас в мою цитадель.

Жизнь Софии Волковой оборвалась этой ночью. Не физически — я бы не позволил смерти даже коснуться её края, — но та девочка, которую знал мир, перестала теперь существовать.

"1" Вкус пепла

Ангел

Я сидела в огромном кожаном кресле, стараясь сжаться до размеров песчинки, прижимая колени к груди. На моих плечах всё еще висела его куртка — тяжелая, пропитанная запахом табака, терпкого сандала и бергамота. Этот аромат был единственным, что удерживало меня от того, чтобы окончательно не провалиться в бездну безумия. Когда я закрывала глаза, на мгновение казалось, что я в безопасности, но стоило векам дрогнуть — и реальность возвращалась ледяным душем.

Меня трясло. Крупная, неуправляемая дрожь пробивала всё тело — то ли от ночного холода, то ли от страха, который поселился где-то под ребрами.

Передо мной, спиной к креслу, стоял он.

Широкие плечи, обтянутые лишь кожей и шрамами — он так и не надел футболку, которую бросил мне под ноги в лесу. Весь его торс и руки были покрыты плотной вязью татуировок: мрачные символы, сплетающиеся в жуткую историю, которую я не могла прочесть. Он всё еще не снял маску. Этот ужасный «медвежий оскал» искажал его голос, превращая человеческую речь в животный рык.

Он что-то кричал в трубку, яростно шипел, отдавая приказы, но я почти не воспринимала слова. В ушах стоял плотный гул, словно их забили ватой, а звуки доносились откуда-то издалека, с заторможенным эхом.

В голове набатом била только одна мысль: на нас напали. Мой дом горел. Мама, папа... они остались там, в том огненном аду. Сердце обливалось кровью при воспоминании о выстрелах, но разум отказывался верить в конец.

Кто этот мужчина? Почему он позвонил именно мне? И главное — зачем спас? Если он из охраны отца, то почему скрывает лицо за этой уродливой железной мордой? Почему везет не в полицию, не в больницу, а в это мрачное, отрезанное от мира поместье?

По щекам непрерывным потоком катились слезы. Я уткнулась лбом в костлявые колени, прячась в тени его куртки, как в единственном доступном убежище.

Я почувствовала на ногах обжигающий жар и вздрогнула. Подняла голову и наткнулась на его взгляд — темные, почти черные карие глаза смотрели на меня сквозь прорези маски с такой силой, что перехватило дыхание. Я резко дернулась, желая отстраниться, но его пальцы лишь сильнее сжали мои щиколотки, фиксируя на месте.

— Мне нужно оставить тебя на время, — его искаженный голос буквально разрезал тишину, заставляя уши болеть. — Пообещай, что никуда не уйдешь. В твоих же интересах не умереть сегодня. В этих стенах безопасно. Здесь тебе ничего

не угрожает.

Я лишь быстро закивала, не в силах вымолвить ни слова. Кто он — мой спаситель, вырвавший из огня, или похититель, заманивший в новую клетку? Я не знала. Но играть сейчас в *«жизнь или смерть»* с этим человеком мне точно не хотелось.

— Хороший ангел, — проговорил он, и в этом рыке мне почудилось странное удовлетворение.

Он наклонился чуть ближе, и когда его голая грудь оказалась почти перед моим лицом, я невольно засмотрелась. Его кожа была живым полотном: розы, черепа, извивающиеся змеи и массивные кресты сплетались в одну полноценную картину, перетекая с мощных рук на грудь и плечи. Его тело казалось высеченным из камня каким-то талантливym, но безумным скульптором. Рельефный пресс, стальные мускулы — не тело, а мечта любой женщины.

Я задержала взгляд дольше, чем следовало. Смущение мгновенно вспыхнуло на щеках обжигающим пожаром. Я тут же снова закуталась в огромную куртку, прячась в воротнике и оставляя на виду только глаза.

Он коротко усмехнулся, явно заметив мою реакцию, и отошел на несколько шагов.

— Весь дом в твоём распоряжении. Прими душ, возьми любую одежду в гардеробной. Я вернусь как можно скорее.

С этими словами он развернулся и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Щелчок замка эхом отозвался в пустой ком-

нате. Я осталась одна в этом огромном доме, пахнущем его ароматом.

Спустя пятнадцать минут я всё же заставила себя выбраться из кресла. Тишина в доме была такой плотной, что тиканье настенных часов казалось ударами молота. Я крепче перехватила полы куртки, вдыхая его успокаивающий аромат, и на цыпочках вышла из кабинета.

Каждый шаг моих босых ног по холодному полу отзывался в ушах грохотом. Я то и дело замирала, когда датчики движения срабатывали в коридорах просторного дома, заливая пространство мягким светом.

Я была совершенно одна в этом каменном склепе.

Окна во всём доме были наглухо закрыты плотными тканевыми жалюзи. Двигаясь вдоль стены, я осторожно бралась за холодные ручки дверей. Сердце каждый раз пускалось вскачь, когда очередная дверь отворялась. Я заглядывала внутрь, ожидая увидеть что угодно, но за дверями скрывались лишь пустые, безупречно чистые комнаты, обставленные с минимализмом.

Этот дом был похож на своего хозяина — красивый, дорогой и смертельно опасный в своей непроницаемости.

Я толкнула последнюю дверь в конце коридора и замерла на пороге. Это была спальня. Огромная, с широкой кроватью, застеленной темным бельем.

Я вошла в комнату так тихо, словно сам воздух боялся коснуться пола моими шагами.

В комнате царил мужской, холодный порядок. На прикроватной тумбочке я наткнулась на блистер с таблетками. Снотворное. Значит, даже у таких зверей совесть или демоны крадут покой. Я обшарила ящики, чувствуя себя жалкой воровкой в чужом святилище, но мой тюремщик был хитер: всё, что могло иметь хоть какой-то смысл, было заперто на ключ. В руках оставались лишь безликие журналы и чеки, не дававшие ни одной зацепки.

Я распахнула шкаф. Ряды идеально выглаженных вещей — черное, серое, белое. Безвкусный парад дисциплины. Я резко захлопнула дверцу, едва сдерживая всхлип. Он советовал мне душ, одежду... как будто чистая вода могла смыть эти ощущения.

Как я могла думать о комфорте, когда там, в особняке, осталась моя семья? Каждая секунда здесь, в этой тишине, казалась предательством.

«Может, он вернулся за ними? — мелькнула безумная, отчаянная мысль. — Может, он сейчас вырывает их из лап смерти так же, как вырвал меня?»

Я осторожно отодвинула край тяжелой шторы, надеясь увидеть хоть что-то, но за стеклом была лишь глухая неизвестность. Тусклые фонари выхватывали клочки ухоженного сада и дорожку, убегающую в черную пасть леса.

«Тут тебе ничего не угрожает», — эхом отозвались в голове его слова. Странно, но я почему-то верила этому чудовищу больше, чем самой себе.

Переборов сковавший тело оцепенение, я вытянула из шкафа первую попавшуюся футболку — она была черной и пахла им. Ванная комната оказалась прямо за дверью спальни. Я медленно стянула с плеч его кожанку, аккуратно положила её на кресло, и вошла внутрь.

Когда одежда упала на холодный кафель, я шагнула под душ. Горячие струи ударили по плечам, обжигая кожу, но я почти не чувствовала этого. Боль под ребрами была куда сильнее.

Я прижалась лбом к мокрой плитке, и плотина рухнула. Всхлипы, которые я сдерживала всё это время, вырвались наружу хриплым воем. Ноги подкосились, и я сползла по стенке на пол душевой кабины. Я рыдала, уткнувшись лицом в колени, пока в легких не кончился воздух, а из глаз не перестали течь слезы.

Тяжесть, навалившаяся после душа, была почти физической — словно на плечи накинули каменную плиту. Я натянула его футболку, которая доходила мне до середины бедра, и забралась под черное одеяло. Оно пахло порошком и его телом. Глядя в темный провал окна, я не заметила, как усталость сомкнула мои веки, вырывая из реальности в объятия кошмара.

Сон был душным и липким.

Сначала пришел огонь. Я видела свой дом, но он был живым существом, которое кричало от боли. Ярко-рыжие языки пламени жадно слизывали знакомые картины, фотогра-

фии, мои детские игрушки. Воздух превратился в раскаленный свинец, который невозможно было вдохнуть. Я бежала по коридору, но стены плавилась, преграждая путь, а из комнат доносились голоса родителей, звавшие меня по имени, пока их не поглотил оглушительный треск рушащихся перекрытий.

Я упала на колени в самом центре этого ада, чувствуя, как жар подбирается к лицу. Смерть стояла совсем рядом — в образе высокой тени с ледяными глазами. Она уже тянула ко мне свои костлявые руки, когда мир внезапно замер.

Огонь перестал обжигать. Дым рассеялся, превращаясь в густой серый туман.

Из этого тумана вышел он. Тот самый зверь в маске, но во сне его образ казался еще выше, еще могущественнее. Он шагнул прямо в пламя, и оно послушно расступилось перед ним, как перед своим хозяином. Его татуировки на груди горели багровым светом, словно раскаленные угли.

Он опустил на колено рядом со мной и накрыл мои дрожащие плечи своей огромной ладонью. Его прикосновение было неожиданно прохладным и успокаивающим.

— Тише, — раздался его голос, но теперь в нем не было пугающего искажения. Это был глубокий, бархатистый мужской баритон, от которого по коже пробежала волна мурашек. — Всё закончилось, Софи.

Он притянул меня к себе, пряча мое лицо на своей груди, и я услышала ровный, сильный стук его сердца. В этом сне

я не боялась его.

— Ты — мой ангел, — прошептал он мне в самое ухо, и его дыхание согрело мою кожу. — Я украл тебя у самой смерти. Больше никто не посмеет причинить тебе боль. Я сберегу тебя. Теперь ты принадлежишь только мне.

Я почувствовала, как страх уходит, сменяясь странной, болезненной зависимостью от этого тепла. Во сне я сильнее прижалась к нему, ища защиты у того, кто сам был воплощением опасности.

Я проснулась от того, что в комнату пробивался тонкий луч света, безжалостно подчеркивающий каждую пылинку в воздухе. Веки казались свинцовыми, они ныли и припухли — горькое напоминание о вчерашнем океане слез.

Я хотела перевернуться на другой бок, но замерла, когда моя рука коснулась простыни на соседней половине. Постель была примята. Подушка еще хранила едва заметную вмятину, а одеяло было скомкано так, будто здесь кто-то лежал совсем недавно.

Сердце пропустило удар и пустилось вскачь. Кровать была огромной, на ней могли поместиться четверо таких, как я, но он выбрал место совсем рядом. Он лежал здесь.

Я тут же нырнула под одеяло с головой, пытаюсь скрыться от собственного стыда. Щеки вспыхнули не то от ужаса, не то от предательского румянца. Перед глазами, как назло, всплыл вчерашний образ: его широкие татуированные плечи, мощная спина и то, как четкие линии косых мышц прес-

са уходят под кожаный ремень брюк...

— О чем ты думаешь, Софи?! — я со злостью стукнула себя ладонью по лбу, зажмурившись под одеялом.

Что за глупая, никчемная девчонка... Ты стоишь на пороге смерти, твой мир сгорел дотла, родители, возможно, мертвы, а ты смакуешь детали рельефа мужского тела?

Я вынырнула из-под одеяла, судорожно одергивая подол его футболки. Она едва прикрывала бедра, заставляя меня чувствовать себя почти обнаженной перед лицом неизвестности. В горле пересохло так, словно я всю ночь глотала пепел собственного дома. Каждая клеточка организма требовала воды.

Дом всё так же давил своей мертвой тишиной. Я на цыпочках добралась до кухни залитой утренним светом. Найдя в холодильнике запотевшую бутылку, я трясущимися руками налила полный стакан и начала жадно, почти до боли, глотать ледяную жидкость.

— Доброе утро, — раздалось за спиной.

Я вздрогнула всем телом. Пальцы разжались, стакан едва не выскользнул из рук, а часть воды выплеснулась на пол, обжигая ступни холодом. Я медленно, сантиметр за сантиметром, начала поворачиваться.

Он стоял в дверном проеме. Снова в этой жуткой маске с оскалом медведя, но теперь на нем была черная тактическая одежда, берцы и кобура на бедре. От него веяло холодом улицы и чем-то острым, металлическим. Он выглядел

как карающий призрак, который только что вернулся с жатвы.

— Я... — слова застряли в горле, превратившись в невнятный хрип.

Я прижала стакан к груди, пытаюсь прикрыться им, как щитом. Мои босые ноги на мокром полу, его огромная футболка и этот нечеловеческий взгляд сквозь прорези — между нами была пропасть.

— Мои родители... — я наконец обрела голос, хотя он и дрожал. — Где они? Ты видел их?

Он замер. Я видела, как напряглись его плечи под плотной тканью куртки.

— Живы, — отозвался он, и в его голосе проскользнуло ядовитое «к сожалению».

Я тут же нахмурилась, чувствуя, как сердце делает кульбит. Живы. Это слово должно было стать спасением, но то, как он его произнес, заставило меня похолодеть.

— Мать в больнице, отец у моих людей. Твой старик не умеет принимать помощь, — проговорил он со скрытой злостью. Он начал медленно сокращать расстояние между нами, буквально сканируя меня взглядом. Я видела, как его зрачки расширились, пожирая мой внешний вид — босые ноги, растрепанные волосы и его футболку, едва прикрывающую бедра. — Даже в такой момент он был готов выбрать смерть, лишь бы не быть должным мне. Но я не дал ему этим насладиться. Пусть посидит, подумает над своим поведением.

— Отвези меня к нему! — прохрипела я, со стуком ставя стакан на столешницу. Я не разрывала зрительный контакт. Мне казалось, что если я отведу глаза хоть на секунду, он набросится на меня, как хищник на замершую дичь.

— Нет, ангелок. Это невозможно.

Он навис надо мной, как огромная темная скала, перекрывающая свет и кислород. Его присутствие подавляло, подчиняло. Он засунул руку в нагрудный карман, достал небольшой документ в обложке и с глухим звуком положил его на столешницу рядом с моим стаканом.

— Что это? — шепнула я, глядя на паспорт.

— Это твоя новая жизнь, — он наклонился к самому моему лицу, и я почувствовала запах его парфюма, смешанный с запахом гари. — Дело в том, что София Волкова вчера сгорела в том доме. Её больше нет. Забудь это имя. Теперь ты — Влада Громова.

Я замерла, глядя на свое фото в чужом документе. Совсем другое имя. Другая фамилия.

— Ты — Влада Громова, ангелок, — повторил он, и его голос стал вкрадчивым, почти нежным в своей жестокости. — Софи умерла.

— Но я ведь здесь! — выкрикнула я, и мой голос сорвался на надрывный хрип. Я прижала ладонь к груди, чувствуя, как под ребрами бешено колотится сердце. — Я жива! Я стою перед тобой!

— Нет, — он качнул головой, и это движение было мед-

ленным, почти безумным. — Ты — Влада. Привыкай к новому имени, ангелок.

Он сделал еще шаг, сокращая пространство до минимума, так что я почувствовала жар, исходящий от его тела. Его тень полностью поглотила меня.

— Твоему отцу уже доложили, что ты мертва. Для него, для полиции, для всего этого чертова города Софии Волковой больше не существует. Есть только пепел на месте твоего дома.

Я пошатнулась, натываясь спиной на край кухонного острова. Мир вокруг начал рушиться с новой силой. Мой отец... он думает, что я погибла? Он оплакивает меня прямо сейчас?

— Никто не должен знать, что ты жива, — его голос стал тише, приобретая опасную, собственническую окраску. — И ты будешь очень послушной, если хочешь, чтобы твое сердце продолжало биться. Я украл тебя прямо из-под носа у тех, кто охотился за твоей головой. Я рискнул всем, чтобы вырвать тебя из их лап... и я не намерен ни с кем делиться.

Он протянул руку и обхватил мой подбородок пальцами в кожаной перчатке, заставляя смотреть прямо в бездну его глаз.

— Теперь ты принадлежишь Кресту. И пока я не решу иначе, ты будешь моей маленькой тайной.

Слово «Крест» ударило меня под дых сильнее, чем новость о собственной смерти. Клан Максима Крестова. Закля-

тые враги моего отца, тени, которыми пугали в кругу Воронов. Самые жестокие игроки на этом кровавом поле.

— Ты хочешь манипулировать моим отцом через меня? — прошипела я, чувствуя, как страх превращается в горькую ярость. — Я для тебя просто рычаг давления?

— Нет, ангелок, — он усмехнулся, и этот звук под маской был похож на скрежет ножа по стеклу. — Я могу добиться всего, чего захочу, и без твоей помощи. Твой отец уже проиграл эту войну.

— Тогда зачем я тебе?! — я почти кричала, вцепившись пальцами в край столешницы.

Он склонился так низко, что ледяной металл его маски почти коснулся моих губ. Я замерла, парализованная его близостью и этим странным, пугающим запахом.

— Потому что я так хочу, — выдохнул он мне в губы. — Ты — мой ангел. Запомни это раз и навсегда. Никто в этом мире не смеет трогать то, что принадлежит мне. А ты — принадлежишь.

Он резко отстранился, лишая меня своего жара, и атмосфера в кухне мгновенно стала ледяной.

— Я привез тебе завтрак. Мне необходимо доделать дела с твоими новыми документами. Вернусь к вечеру, — он направился к выходу, но у самой двери обернулся, и его взгляд пригвоздил меня к месту. — Из дома не выходить. Сигнализация под напряжением, а по периметру люди. Не заставляй меня наказывать тебя за глупость.

Дверь захлопнулась, и я услышала, как завыл замок. Я осталась стоять на кухне в его огромной футболке, глядя на паспорт Влады Громовой. Враг моего отца спас мне жизнь, чтобы сделать своей вещью?

"2" Влада Громова

Ангел

Весь день я провела в оцепенении, гипнотизируя взглядом обложку своего нового паспорта. Имя «**Влада Громова**» на обрезке бумаги казалось мне чужеродным клеймом, выжженным прямо на сетчатке глаз. Я включила телевизор, надеясь на чудо, но экран выплюнул в лицо жестокую, обугленную правду.

Новости гремели только об одном: кровавая бойня в особняке предпринимателя Андрея Волкова. Диктор с идеально причесанными волосами методично забивал гвозди в крышку гроба моей прежней жизни.

«Жанна Волкова находится в критическом состоянии под усиленной охраной в городской больнице... Андрей Волков пропал без вести, полиция не исключает похищения...»

А потом экран потемнел, и на нем появилась моя фотография, где я улыбалась.

«София Волкова, единственная дочь предпринимателя, признана погибшей. Её тело было обнаружено в кабинете отца. Эксперты полагают, что девушку пытались спрятать там в начале нападения, но огонь отрезал пути к отступлению. Дом выгорел до основания...»

Камера проплыла над руинами. То, что когда-то было моим миром, превратилось в уродливое черное пятно на карте города. Скелет здания, окутанный сизым дымом, выглядел так, словно его целенаправленно залили керосином — ни одного уцелевшего угла. Просто горы пепла и угляй.

В этом пламени сгорело всё: мои детские фотографии, коллекция фарфоровых кукол, любимые платья и тот самый диплом юриста, к которому я шла через бессонные ночи. Всё, чем я дышала и жила двадцать лет, теперь покоилось под слоем копоти.

Я смотрела на свои руки, и они казались мне чужими. Как я могу быть живой, если мое существование стерто? Я — призрак. Никто больше не придет за мной, никто не объявит в розыск.

Мысли о родителях жгли изнутри сильнее, чем пламя, уничтожившее наш дом. Они будут оплакивать пустой гроб? Будут ходить на мою ненастоящую могилу, выплескивая там свое горе? Выживет ли мама, узнав, что её единственной дочери больше нет? Мне безумно хотелось закричать, прорваться сквозь эти стены, обнять их и сказать, что я здесь, я дышу. Хотелось вцепиться в рубашку отца и поругать его за ту грязь, в которой нам всем пришлось вариться.

«Родителей не выбирают», — сухо бросил он однажды, когда я впервые услышала о кланах Воронов и Креста. Тогда это казалось чем-то далеким, почти сказочным. Мы никогда не бежали, не прятались. Отец всегда решал проблемы тихо

и профессионально. А теперь? Теперь я в плену у тех, кого он учил меня бояться больше всего.

В гостиную вошел мужчина, и я мгновенно напряглась, до боли сжимая в руках диванную подушку и прикрываясь ею, как щитом.

— Тихо, тише, — он поднял руки ладонями вперед, показывая, что безоружен. — Я за водой. Меня зовут Гриша. Я отвечаю за твою безопасность, пока босса нет дома.

— Босса? — мой голос сорвался на хрип. — Значит, я не просто у «Креста»... Я в руках самого Максима Крестова?

Черт. Я едва не задохнулась от осознания. Это было не просто плохо — это был смертный приговор моей свободе. Быть трофеем клана — одно, но быть личной игрушкой человека, который десять лет правит этим жестоким миром, — совсем другое.

Про Максима Крестова в нашем кругу ходили легенды, от которых стыла кровь. Говорили, что он не просто убивает — он превращает расправу в искусство боли. Смертельные игры, отрезанные языки тех, кто слишком много болтал, пальцы, присланные в коробках из-под сигар. Его называли психопатом, мясником, человеком без тени жалости. И теперь я была в его логове.

Я тяжело сглотнула, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. Когда Гриша сделал шаг в мою сторону, инстинкт самосохранения сработал быстрее, чем разум. Я подскочила с дивана, в мгновение ока хватая кухонный молоток для мяса

— моё единственное, жалкое оружие, которое я припрятала рядом на всякий случай.

Я встала в боевую стойку, как когда-то в детстве учил отец, направляя на него увесистую железку. Руки дрожали, но взгляд был твердым.

Гриша замер. Секунду в комнате стояла звенящая тишина, нарушаемая только бубнежом телевизора, а потом он... просто расхохотался. Громко, искренне, запрокинув голову.

— Боевой ангел, значит? — сквозь смех выдавил он и, совершенно не опасаясь моего «оружия», вальяжно опустился в кресло прямо напротив. — Максим был прав, у тебя есть зубы.

Он закинул ногу на ногу и уставился на меня своими насмешливыми голубыми глазами. Я не опускала молоток. На экране всё еще мелькали кадры моего догорающего дома, но весь мой мир сейчас сузился до этого мужчины в кресле.

Я сжимала молоток так сильно, что костяшки побелели, и пятилась к лестнице, не сводя глаз с Гриши. Каждый шаг давался с трудом, ноги были ватными, но я знала: если я сдамся сейчас, я исчезну навсегда.

Тяжелый щелчок входного замка заставил меня подпрыгнуть. На пороге возник Максим. Его взгляд мгновенно сощурился, сканируя сцену: я в боевой стойке с кухонной утварью и Гриша, вальяжно развалившийся в кресле.

— В чем дело? — голос Максима прозвучал низко и угрожающе.

Я метала взгляд от него к Грише, и меня колотило в настоящей лихорадке. Максим прошел вглубь комнаты, не сводя с меня глаз, а затем резко повернулся к своему помощнику.

— Что ты сделал? — рявкнул он. От этого звука, похожего на рык раненого зверя, меня передернуло, а Гриша даже бровью не повел.

— Ничего. Просто сел в кресло, — спокойно отозвался он. — У твоей подопечной острые зубки.

Максим снова повернулся ко мне, делая медленный, осторожный шаг, словно подходил к напуганному животному.

— Влада...

— Я — София! — прошипела я сквозь зубы, чувствуя, как слезы ярости закипают в глазах.

— Убери это, ладно? — он кивнул на мой молоток. — Хочешь, мы поговорим?

В этот момент во мне что-то лопнуло. Вся боль, страх и бессилие вылились в один безумный жест. Я швырнула в него этот чертов молоток. Максим увернулся с ловкой грацией, и тяжелый металл со звоном врезался в стену. Он тут же сорвался с места, я взвизгнула и бросилась вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

В спину мне прилетел звонкий, издевательский хохот Гриши и тяжелые, стремительные шаги Максима.

Он перехватил меня мгновенно. Я даже не успела коснуться ручки двери, как стальное кольцо его руки замкнулось на моей талии. Максим прижал меня спиной к своей

груди, и я кожей почувствовала жар его торса.

Я брыкалась, извивалась и верещала, впиваясь ногтями в его руки, но он даже ухом не повел. Для него мой отчаянный протест был не тяжелее полета бабочки. Он нес меня по коридору, как охотник несет добычу в клетку, и в этом было столько унижительного превосходства, что у меня перехватило дыхание от бессильной злобы.

Влетев в спальню, он пнул дверь ногой, захлопывая её с оглушительным грохотом, и буквально швырнул меня на кровать. Я пролетела по мягкому покрывалу, запутавшись в полах его огромной футболки, и тут же попыталась отползти к изголовью, но Максим уже навис сверху, упираясь руками по обе стороны от моих бедер.

— Выплеснула яд? — прорычал он, и в его глазах, я увидела темное, порочное пламя. — А теперь слушай меня внимательно, София-Влада. Мое терпение — вещь дорогая, и ты только что потратила его годовой запас.

Я смотрела на него снизу вверх, тяжело дыша. Волосы рассыпались по кровати, сердце колотилось так, что, казалось, ребра вот-вот треснут.

— Ты не имеешь права... — начала было я, но он резко сократил расстояние, заставляя меня замолчать.

— В этом доме у меня есть право на всё. Даже на то, чтобы заставить тебя забыть собственное имя, — он наклонился к самому моему уху, обжигая кожу горячим дыханием из прорези маски.

— Хочешь, чтобы я вернул тебя отцу? — в его голосе проскользнула холодная насмешка. — Чтобы все узнали, что ты жива? А потом ты снова окажешься в том аду и сгоришь уже по-настоящему. Думаешь, те, кто пришел за Волковым, остановятся, пока не вырежут его корень?

Я сжалась, чувствуя, как простыни под пальцами становятся влажными от моего пота. Он не просто пугал — он рисовал единственную логичную картину моего будущего вне этих стен.

— Или ты хочешь спасти свою семью? — Максим заговорил тише, и этот вкрадчивый тон был опаснее любого крика. — Я даю тебе выбор. Умереть за имя, которое тебе не принадлежит, или спасти родителей. Обещаю, что не трону их. Я найду им дом, обеспечу безопасность, о которой Волков мог только мечтать. Клан Креста держит слово, ангелок. В отличие от Воронов.

Он протянул руку и медленно, почти ласково, провел тыльной стороной ладони по моей щеке, спускаясь к шее. Я замерла, боясь даже вздохнуть.

— Взамен ты становишься Владой Громовой. Навсегда. Ты исчезаешь для мира и остаешься здесь. Моей. И ничьей больше.

Я смотрела в его карие, почти черные глаза, и видела в них свою клетку. Золотую, надежную, из которой нет выхода. Цена жизни моих родителей — моя свобода. Моё имя. Я вся.

— Ты... ты действительно их не тронешь? — мой голос превратился в надломленный шепот. — Маму вылечат?

— С ними всё будет в порядке, если ты скажешь «да», — он заставил меня поднять подбородок, лишая возможности отвернуться. — Решай. У тебя есть минута, чтобы перестать быть Софией.

— Как я узнаю, что ты не врешь? Ты мой враг. Враг Воронов, а я и есть Ворон, — мой голос дрожал, но я отчаянно пыталась нащупать хоть какую-то опору в этом безумии.

Максим снова качнул головой, и из-под маски вырвался звук, похожий на утробный рык зверя.

— Я твой шанс на жизнь, ангелок. Твой личный дьявол, который бережет твою шкуру. Тебе просто стоит сказать «да». Я не буду тебе ничего доказывать. Просто реши, чего ты хочешь. Вернуться и сдохнуть вместе со своей семьей по-настоящему или спасти их.

Я зажмурилась. Его тяжелая, темная аура давила на меня сильнее бетонной плиты, вышибая воздух из легких. Выбор без выбора. *Мои родители или я? Конечно, они. Жизнь матери и отца стоили любой жертвы, даже если этой жертвой стану я сама.*

— Ладно, — прохрипела я, открывая глаза и встречаясь с его немигающим взглядом. — Я согласна на твой уговор. Но у меня есть условия.

Глаза Максима сузились, и из-под маски донесся короткий, сухой смешок.

— Условия? Смело.

— Я стану Владой. Навсегда. Но ты не тронешь меня, — я чеканила каждое слово, стараясь, чтобы голос не сорвался. — Я буду принадлежать тебе морально, юридически, как угодно... но не физически.

Я видела, как его пальцы впились в простыни, сминая ткань. Слышала, как заскрежетали его зубы. Он что, правда думал, что я вот так просто упаду в его постель в благодарность за «спасение»? Ни за что.

— Хорошо, — выплюнул он после долгой, невыносимой паузы. — Я не трону тебя, пока ты сама этого не захочешь.

— Не захочу, — отрезала я.

— Будь по-твоему, — он резко поднялся, обдавая меня волной холода. — С этого момента ты Влада Громова. Моя тень. Моя собственность.

Он вышел, не оборачиваясь, а я осталась сидеть на кровати, чувствуя, как внутри всё выжжено дотла. Я спасла родителей, но какой ценой?

— Не захочу, — прошептала я еще раз, скорее убеждая саму себя, чем пустоту комнаты. Я сжала подол его футболки так сильно, что пальцы онемели.

Но предательское тело жило своей жизнью. Внизу живота уже завязался тугий, горячий узел, который пульсировал в такт ударам сердца. Это был не страх. Это было нечто рожденное его близостью, запахом его кожи.

— Не захочу. Ни Влада, ни София... никто из них.

"3" Похороны

Ангел

Спустя три дня оглушительного одиночества в компании молчаливых охранников, Максим вернулся. Он дал мне эту паузу, чтобы я переварила свой выбор, свыклась с новой фамилией и окончательно похоронила ту девочку, которой была раньше.

Гриша заходил по вечерам: приносил пакеты с продуктами и неизменную порцию ядовитых колкостей. Каждый раз, когда он криво усмехался, глядя на мой потерянный вид, мне хотелось запустить в него чем-нибудь тяжелым. Но я сдерживалась. Силы мне были нужны для другого.

Гардеробная Максима теперь не выглядела такой пустой — он заполнил её вещами для меня. Но его выбор был изощренной пыткой. Всё светлое, нежное: от кипенно-белого до зефирно-розового и небесно-голубого. Шелк, кашемир и... нижнее белье, от вида которого у меня горели уши. Прозрачный гипюр, тончайшее кружево, крошечные полоски ткани. Это был немой манифест. Он словно кричал: *«Я сорву это с тебя, как только ты позволишь. И я знаю, что ты позволишь»*.

Я сидела на кухне, бездумно ковыряя остывший завтрак,

когда вошел он. Эта уродливая маска-оскал всё еще вызывала у меня приступ тошноты от страха. Неужели он собирает всю жизнь прятаться за куском металла?

— Собирайся, — Максим бросил на стол увесистый пакет. — У тебя час.

— Куда? — я не подняла глаз, продолжая мучить несчастный омлет.

— На похороны. Поедем Софию провожать в последний путь.

— Издеваешься?! — я подскочила, ложка со звоном отлетела в сторону, ударившись о кафедру. — Ты хочешь, чтобы я смотрела на собственный пустой гроб?!

— Это твоя единственная возможность последний раз увидеть родителей, — его голос, искаженный модулятором, прозвучал неожиданно сухо. — Другой не будет.

Я замерла. Воздух в легких закончился, а сердце пропустило болезненный удар. Мама. Папа. Увидеть их хотя бы издалека, убедиться, что они дышат. Я тяжело выдохнула, подавляя новый приступ слез, и резко схватила пакет.

— Козел, — прошипела я, проходя мимо него.

В пакете лежало черное платье из плотного шелка и густая вуаль. Максим продумал всё: я буду там, в толпе, прямо за их спинами, но останусь призраком, которого никто не узнает.

Помимо вуали в пакете обнаружили парик — угольно-черный боб — и массивные темные очки. Ну прямо агент 007 на минималках. Нацепив всё это на себя, я невольно по-

ежилась. Чужая кожа, чужое лицо.

Я никогда не любила черный. В моем гардеробе из темного были разве что одни кроссовки да солнечные очки, которые когда-то подарила Вероника. Моя стихия — теплые, шоколадные, бежевые оттенки. На фоне моей бледной кожи и светлых волос черный выглядел слишком агрессивно, превращая меня в подобие зебры. Контраст был пугающим: только коричневые брови и густо накрашенные черные ресницы выдавали во мне живого человека. Я была похожа на вдову из нуарного фильма.

Надев черные шелковые перчатки, я взяла такую же крохотную сумочку. Зачем-то бросила туда флакон духов с ароматом клубники и блеск для губ. Глупая привычка из прошлой жизни, где губы должны были сиять, а аромат — напоминать о лете. Телефон остался лежать на тумбочке. Смысл таскать его с собой, если там в контактах только один номер — Максима? А «хозяин» и так будет в метре от меня.

Я спустилась по лестнице, и стук моих каблуков по мрамору казался выстрелами в тишине дома. Я то и дело одергивала подол платья вниз — даже здесь этот урод выбрал вариант «покороче», едва достигающий до середины бедра.

Максим замер у подножия лестницы. Он смерил меня медленным, тяжелым взглядом, и в прорезях маски его глаза буквально кричали о том, что я выгляжу безупречно. Это было не восхищение, а торжество собственника, увидевшего свой идеально ограненный алмаз.

Он сухо указал на дверь и вышел первым, не дожидаясь меня.

— О да, а как же «даму вперед»? — буркнула я ему в спину, едва поспевая за его широким шагом. — Никакой вежливости.

Максим распахнул дверь внедорожника с таким видом, будто оказывал величайшую милость. Когда я села, он наклонился слишком близко, чтобы пристегнуть ремень. Его пальцы, горячие и властные, намеренно задели моё оголенное бедро, а затем он медленно, почти лениво, прочертил линию вниз по ноге.

Я вжалась в сиденье, чувствуя, как по коже пробегает электрический разряд, смешанный с ненавистью.

— Козел, — прошипела я ему прямо в маску, когда его лицо оказалось в сантиметре от моего.

Он не ответил, но я услышала его тихий, довольный смешок. Словно моя злость была для него лучшим десертом.

Он обошел машину, сел за руль и плавно вывел тяжелый автомобиль на трассу. Атмосфера в салоне мгновенно стала деловой и ледяной.

— Слушай вводные, ангелок, — его голос под маской снова стал жестким. — На похоронах будешь молчать. Никаких разговоров, никаких лишних движений. Держишься в шаге от меня. И самое главное: не смей бежать в объятия к своим родителям.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони через тон-

кую ткань перчаток.

— Что бы там ни произошло, — продолжал он, — ты стоишь покорно рядом. Одно лишнее движение, один всхлип, который привлечет внимание — и я увезу тебя оттуда раньше, чем ты успеешь рассмотреть лица родных. Поняла меня? Всему, что я скажу, подыгрываешь.

— Как скажешь, — буркнула я, демонстративно скрестив руки на груди и отвернувшись к окну. — Буду покорной, «босс».

Когда мы ступили на территорию кладбища, мир вокруг сузился до черной сетки моей вуали и стальной хватки Максима. Наши пальцы, обтянутые черными перчатками, переплелись, и он уверенно потянул меня в самую гущу скорби.

Я едва переставляла ноги, оглушенная количеством людей. Здесь были все: старые школьные друзья, преподаватели из университета, даже те, с кем я едва здоровалась. Клан Воронов заполнил собой всё пространство, создавая живой коридор из черных костюмов и тяжелых взглядов. Кое-кто из одноклассников искренне плакал, а кто-то в стороне шепотом обсуждал, *«какая трагедия, такая молодая»*.

Максим шел сквозь толпу как ледокол. Он кивал лидерам группировок, обменивался короткими рукопожатиями, сохраняя пугающее спокойствие. Но когда мы приблизились к свежерытой могиле, я едва не осела на землю.

Там, над закрытым гробом, в котором лежал лишь пепел и пустота, рыдала моя мама. Её плечи содрогались, а лицо, ка-

залось, постарело на целую вечность. Рядом на деревянном кресте уже висела моя фотография.

Заметив нас, отец нахмурился. Он что-то шепнул маме и, отстранившись от гроба, направился прямо к нам. Его взгляд был тяжелым, полным презрения и боли. Он подошел так близко, что я почувствовала запах его привычного одеколона. Сердце зашло в немом крике: *«Папа, это я! Посмотри на меня!»*

— Тебе здесь не место, — процедил отец, глядя Максиму прямо в прорези маски.

— Отчего же? — голос Максима прозвучал вкрадчиво, почти сочувственно. — Это ведь я спас тебя и твою жену. Мой клан вытащил вас из того ада. Ты мне должен, Андрей.

Отец заметно напрягся, его челюсти сжались, но спорить в такой день перед сотней глаз он не стал. Он перевел взгляд на меня, пытаюсь рассмотреть лицо под вуалью. Пелена слез застилала мне обзор, и я до боли закусил губу, чтобы не выдать себя всхлипом.

— Прошу простить за мою дерзость, — Максим собственническим жестом притянул меня ближе к своему боку, его ладонь нежно легла мне на талию. — Позволь представить: моя невеста, Влада Громова. Влада, это Андрей Волков. Клан "Воронов".

Я лишь едва заметно кивнула, не в силах произнести ни звука. Слышать, как он называет меня чужим именем перед родным отцом, было физически больно. А невестой еще ху-

же.

— Красивое имя, — сухо отозвался отец, продолжая сверлить меня взглядом. — И знакомый аромат. Клубника?

Я замерла. Максим лишь сильнее сжал мои пальцы, предупреждая: одно неверное движение — и всё рухнет.

— Извини, Ворон, но она не говорит с чужаками, — холодно бросил Максим, прижимая меня к себе так крепко, что я почувствовала металл его кобуры.

— Или потому что ты и ей язык отрезал? — прошипел отец, в его глазах вспыхнула ненависть. — Зная твои методы, Крестов, я не удивлюсь.

Мое сердце пропустило удар. «И ей»? Кому еще? Я резко повернула голову к Максиму, пытаюсь рассмотреть его глаза через прорези маски, но он даже не вздрогнул.

— Зачем же? Она ведь моя невеста, — Максим произнес это с такой вкрадчивой издевкой, что мне захотелось провалиться сквозь землю. — Уверен, этим языком она сделает много чего прекрасного... для меня.

Отец искажился в гримасе брезгливости, а я оторопела. Меня заливала краска стыда — он нес эту пошлость прямо над моим пустым гробом, на глазах у убитого горем отца. Урод!

— Сожалею о твоей потере, Андрей, — продолжил Максим, игнорируя мою реакцию. — Совсем молодая. Но ты погряз слишком глубоко в своей лжи. Что ты сделал такого, что Волки так обозлились?

Отец тяжело вздохнул, и в этом звуке было столько усталости, что у меня заныло в груди.

— Старый Волк захотел своему щенку мою дочь. Как какую-то куклу. Трофей для укрепления союза.

Я почувствовала, как рука Максима на моем бедре сжалась до боли. Его явно взбесила эта информация. Оказывается, за мной охотились не только похитители, но и «женихи» из враждебных кланов.

— И поэтому они её убили? — голос Максима стал стальным.

— Скорее всего, случайность, — отец посмотрел на закрытую крышку гроба, и его голос надломился. — Я не знаю, как она оказалась в моем кабинете. Она должна была быть в своей комнате. Возможно, прислуга спрятала её там, когда начался шум. Уверен, они бы забрали её живой, если бы смогли...

— Прости, Андрей, — отозвался Максим, и в его тоне проскользнуло нечто похожее на фальшивое сочувствие. — Но когда мы пришли за вами, там уже всё горело. Мы едва успели вытащить тебя и Жанну.

Я стояла рядом, слушая, как они обсуждают мою «смерть», и чувствовала себя призраком. Мой отец считал, что я сгорела случайно, прячась от насильного брака, а мой «спаситель» стоял рядом, скрывая правду под маской.

В этот момент мама в инвалидном кресле издала душераздирающий стон и протянула руку к фотографии на кресте.

Меня затрясло так сильно, что зубы начали выбивать дробь. Одинокая слеза прочертила влажную дорожку под вуалью, и я, испугавшись, что отец заметит мою слабость, резко развернулась к Максиму. Я уткнулась ему в грудь, делая вид, что просто отвернулась от гроба, но он мгновенно почувствовал мою дрожь.

— Мы отойдем на минуту. Нам еще есть что обсудить, Андрей, — бросил Максим, и, не дожидаясь ответа, потащил меня прочь, вглубь старых аллей кладбища.

— Я не хочу уходить... — прохрипела я, спотыкаясь на каблуках.

Как только мы скрылись за густыми ветвями плакучих ив, где нас никто не мог видеть, он резко остановился. Максим бесцеремонно откинул мою вуаль и сорвал очки. Я зажмурилась от резкого света, а всхлипы, которые я сдерживала изо всех сил, наконец прорвались наружу, становясь громкими и надрывными.

— Ты не справилась, — отрезал он, и его голос под маской звучал как удар плети.

— Я не железная, как ты, ясно?! — проговорила я ему в лицо, захлебываясь слезами. — Моя мать... посмотри на неё!

Я попыталась выглянуть из-за дерева, чтобы еще хоть секунду посмотреть на родителей, но Максим наотмашь пресек мою попытку. Он прижал меня к грубому стволу дерева, нависая сверху всей своей массой. Его тяжелое, прерывистое дыхание обжигало кожу.

— Возьми себя в руки, ясно? — прошипел он, фиксируя мои плечи. — Иначе я прямо сейчас закину тебя в тачку, и Гриша отвезет тебя домой. Мне нужно решить дела с кланом твоего отца.

Я лишь отчаянно закивала, не в силах остановить поток слез. В этот момент Максим сделал то, чего я никак не ожидала. Он ослабил хватку и притянул меня к себе, зарываясь пальцами в мой парик. Я уткнулась лицом в его дорогой пиджак, и мои рыдания заглушила плотная ткань.

Он сжимал меня так крепко, словно боялся, что я рассыплюсь в прах прямо здесь, среди могил. Я утопала в его аромате табака и сандала, чувствовала сталь его рук, и в голове бился один единственный, пугающий вопрос: *«Почему я не хочу его сейчас ненавидеть? Почему в этом безумном мире именно этот монстр стал моим единственным утешением?»*

Я цеплялась за его плечи, как за спасательный круг, а он стоял неподвижно, позволяя мне выплакать всё свое горе в его грудь. Мой похититель, мой личный дьявол — и мой единственный щит.

Как только я немного пришла в себя, Максим сделал нечто неожиданное: он стянул черную перчатку, и я почувствовала тепло его живой кожи. Его большой палец почти невесомо стер мокрую дорожку с моей щеки, прежде чем он снова скрыл руку под тканью. Он вернул мне очки, опустил вуаль и заглянул в мои глаза сквозь сетку.

— Надеюсь, теперь ты всё выплакала? — в его голосе не было сочувствия, только холодная дисциплина. — Второй попытки не дам.

— Ладно, — прохрипела я, стараясь выровнять дыхание.

Он снова сплел наши пальцы, и мы вышли из тени деревьев к людям. Мы не успели сделать и десяти шагов, как дорогу нам преградил мужчина. Блондин с вызывающе голубыми глазами. Он был по-своему симпатичен, но в его улыбке сквозила такая желчь, что меня передернуло. Он вглядывался в мою вуаль, словно пытался просветить её рентгеном.

— Крест, удивительно видеть тебя здесь, — усмехнулся он. — Разве ты не враг Воронам?

— А ты — Волк? — парировал Максим.

Волк? Сердце пропустило удар. Так это и есть тот самый «жених», который пришел за мной с автоматами? Я разглядывала его с тихой ненавистью.

— Мы не совсем враги. Иногда сотрудничали, — продолжал он.

— И поэтому вы решили вырезать их? Убили девчонку?

Парень заметно напрягся, его взгляд на мгновение метнулся к свежему холму земли.

— Это случайность. Они должны были просто забрать её, и всё.

Я до боли сжала пальцы Максима. Слышать, как они обсуждают мой несостоявшийся «похищение-брак», было невыносимо.

— Ну что ж, теперь она никому не достанется, — холодно отрезал Максим.

— А что там делал ты? Только не говори, что мимо проходил. Уверен, ты тоже хотел её себе.

— Зачем она мне? У меня уже есть невеста, — Максим собственнически притянул меня за талию, прижимая к своему боку.

Вспомнив его наказ подыгрывать, я медленно положила свободную руку ему на грудь и слегка склонила голову, изображая сдержанную, таинственную улыбку, скрытую вуалью. Пусть этот ублюдок видит, что Крест не одинок.

Блондин перевел взгляд на меня. В его глазах читалось неприкрытое любопытство.

— Правда говорят, что его лицо под маской такое же уродливое, как и его душа? Поэтому он носит её, не снимая?

Я промолчала, продолжая смотреть на Максима. Внутри меня кольнул тот же вопрос: почему? Какое оно на самом деле? Но сейчас я была на стороне своего дьявола.

— Думаешь, моя невеста станет разговаривать с моим врагом? — голос Максима прозвучал так угрожающе, что Волк невольно сделал шаг назад. — Уходи, пока я не решил, что на этом кладбище сегодня слишком много свободного места.

Блондин еще раз смерил меня взглядом, задержавшись на изгибе моей талии, и, хмыкнув, растворился в толпе.

— Пойдем, — Максим почти потащил меня к выходу. —

Мы здесь закончили.

Мы стояли в стороне еще бесконечно долгие полчаса. Я смотрела, как люди один за другим подходят к черному провалу в земле, как шепчут слова, которые я уже никогда не услышу, и как глухо стучат комья земли о крышку пустого гроба.

Когда пришла наша очередь, Максим подвел меня к самому краю. Я смотрела вниз, на дно этой ямы, и понимала: там хоронят не просто имя. Там хоронят ту сияющую девушку с фотографии, у которой были мечты, планы и дурацкая вера в любовь. Девушку, которой разбили сердце.

Я взяла горсть земли. Она была холодной и влажной. Мы с Максом одновременно бросили ее вниз.

«Прощай, Софи», — пронеслось в голове.

Я подняла голову, поправляя вуаль, и мой взгляд столкнулся с *ним*. Олег стоял в паре метров, картинно прижимая к себе содрогающуюся в рыданиях Веронику. Чертов ублюдок. У него хватило наглости прийти сюда, нацепив маску скорбящего любовника.

Внутри меня вспыхнула такая яростная, ослепляющая жажда расправы, что я едва не сорвалась с места. Мне хотелось вцепиться этой дряни в волосы, а ему — вырвать всё, чем он так активно пользовался за моей спиной. Максим почувствовал, как мои пальцы до хруста впились в его предплечье. Его рука мгновенно легла поверх моей, жестко фиксируя меня на месте.

— Чего ты хочешь, мой ангел? — его шепот коснулся моего уха, холодный и вкрадчивый.

— Хочу, чтобы он лишился своего мужского достоинства, а она им подавилась, — прошипела я, вкладывая в каждое слово всю скопившуюся ненависть.

Максим лишь сухо усмехнулся под маской.

— Годится. Считай, что заказ принят.

Он оставил меня под присмотром Гриши у машины, а сам направился к моему отцу. Со стороны они выглядели как старые партнеры по бизнесу, обсуждающие условия сделки, а не заклятые враги. Вокруг моих родителей плотным кольцом стояли люди в строгих костюмах с серебристыми крестами на лацканах. Максим держал слово: теперь его псы охраняли тех, кого еще вчера должны были уничтожить.

Гриша стоял, прислонившись к капоту, и выпускал густые клубы дыма.

— Угости одной, — бросила я, чувствуя, как внутри всё дрожит от пережитого стресса.

— Эй, полегче, крошка, — Гриша выгнул бровь, не спеша лезть в карман. — Хочешь, чтобы босс оторвал мне яйца прямо на кладбище?

— Жалко? Так и скажи, — я скрестила руки на груди, вызываясь глядя на него.

Он вздохнул, поглядывая на Максима, и всё же загородил меня своей широкой спиной от его взора.

— Ладно. После собственных похорон я бы тоже закурил.

Но только одну, поняла?

Я кивнула, принимая сигарету. Когда он поднес зажигалку, я глубоко затаилась, не поморщившись. Гриша даже глаза выпучил от удивления.

— М-да... а ты, оказывается, не такой уж и ангел.

— А кто сказал, что я ангел? — я выпустила дым, глядя на проходящих мимо людей через вуаль. — Я еще и пить умею так, что твои парни под стол лягут. Это твой босс придумал себе сказку про святую Софию. Видимо, его сбили с толку мои светлые волосы?

Мы разговорились, медленно потягивая сигареты, и на мгновение я почти забыла, где нахожусь. Но идиллия длилась недолго. Максим вернулся внезапно, словно материализовался из воздуха.

Он молча вырвал сигарету у меня из пальцев и раздавил её в пыль.

— Вы что, совсем здесь охренели? — прорычал он, и от его голоса по позвоночнику пробежал холод. — В машину. Живо!

Максим сел рядом со мной, заполнив собой всё пространство заднего сиденья. От него исходила такая волна жара и ярости, что воздух в салоне казался наэлектризованным. Гриша, потирая затылок, завел мотор и периодически с жалостью поглядывал на меня в зеркало.

Я с наслаждением сорвала вуаль и очки. Темнота перед глазами сменилась мягким дневным светом, но легче не ста-

ло.

— Ты что, совсем?! — Максим накинулся на меня с такой яростью, будто я не сигарету выкурила, а предала клан.

— Макс, остынь, — подал голос Гриша, не отрываясь от дороги. — Она только что похоронила саму себя. Дай девочке выдохнуть, ничего же не случилось.

— Завались, понял? — Максим даже не повернул головы. — Пусть твои девки курят, а моя — не будет.

Меня словно током ударило.

— Я не твоя девушка! — выплюнула я, разворачиваясь к нему всем корпусом.

— Нет, моя. Мы это уже обсуждали. И ты согласилась, — отрезал он, и его голос под маской стал подозрительно спокойным, что было куда страшнее крика.

— Это ты что-то перепутал. Я согласилась быть под твоим контролем, чтобы ты помог родителям. Но я не обещала становиться твоей парой!

Гриша на переднем сиденье громко прыснул. Звук был коротким, потому что Максим с такой силой ударил по спинке его кресла, что тот едва не впечатался лбом в руль.

— Рули уже, иначе вышвырну тебя прямо здесь! — рявкнул Максим.

— Ладно-ладно, молчу, — буркнул Гриша, прибавляя газу.

Максим медленно повернулся ко мне. Я слышала его тяжелое, прерывистое дыхание сквозь прорези маски.

— Ты моя, ясно? А это значит — *моя*. Девушка, невеста, жена... не важно, какой ярлык ты выберешь. Моя — и ничья больше.

— Я тебе не вещь! — я придвинулась к нему почти вплотную, не обращая внимания на опасность. В моих глазах всё еще стояли слезы после кладбища, но ярость горела ярче. — Пошел к черту со своими правами собственности!

— Черти побоятся связываться со мной, ангелок, — прошептал он, и холодный металл его маски почти коснулся моих губ, обжигая их своим ледяным безразличием. — Еще раз увижу... Накажу так, что сигаретный дым покажется тебе райским благовонием.

— Катись в ад...

Он тяжело выдохнул, и я почувствовала, как его грудная клетка на мгновение прижалась к моей.

— Я не люблю предупреждать дважды, Влада.

— Плевала я на то, что ты любишь! — выплюнула я, не отводя взгляда от темных прорезей маски.

Гриша впереди кашлянул, явно пытаясь стать невидимым, а в салоне стало так тихо, что было слышно, как бьется кровь в моих висках.

— София Волкова официально мертва. Я только что собственноручно похоронила её под слоем сырой земли, так что теперь я — призрак. А мертвецам закон не писан, ясно тебе? — я выплюнула эти слова прямо в его маску, задыхаясь от ядовитого восторга. — Теперь я буду делать всё, что захочу.

Хочу — курю до хрипоты, хочу — пью до беспамятства. Да
хоть пересплю с первым встречным! Мои похороны — мои
правила.

"4" Вкус обладания

Дьявол

Всю дорогу до самого поместья я сверлил её взглядом, пока в салоне не стало тесно от напряжения. Она это сейчас серьезно? Сама выставляла мне условия о «физической неприкосновенности», а теперь заявляет, что готова лечь под первого встречного?

Провоцирует. Девчонка играет с огнем, даже не понимая, что в этой игре у неё нет шансов. Она — пороховая бочка, а я — единственный, у кого есть спички.

Как только машина замерла у крыльца, она вылетела из салона и скрылась в доме. Громкий хлопок двери наверху эхом отозвался в пустом холле, давая понять: на сегодня лимит моего терпения исчерпан, а её «зона досягаемости» закрыта на все замки.

Я тяжело рухнул на диван в гостиной, стягивая перчатки. Гул в голове не утихал.

— Ну, ты тоже не прав, Макс, — подал голос Гриша, бесцеремонно растягиваясь в кресле напротив. — Будешь так наседать — сбежит в первую же неделю. Либо в окно выйдет, либо нож в спину всадит, пока ты спишь.

— Не сбежит. В её же интересах оставаться здесь, — я от-

кинул голову на спинку, глядя в потолок. — Я обещал вытащить её родителей из дерьма, а она пообещала быть покорной.

— Жестоко, — Гриша выудил из кармана зажигалку и начал вертеть её в пальцах. — Так что, мы теперь официально союзники с Воронами?

Я коротко кивнул.

— Нет смысла добивать Волкова, когда его семья в шаге от могилы. Пока его жена не встанет на ноги, мы будем помогать им с делами. Прикрывать тылы. Отправь людей, пусть разберутся с хвостами, которые остались после нападения. И следите за "Волками". Мне не нравится этот белобрысый щенок. Слишком изголодавшимся взглядом он сканировал Владу на кладбище. Если он пересечет границу — стрелять на поражение.

Гриша кивнул, записывая что-то в планшет, но я еще не закончил.

— И еще. Тут просьба от моего ангела поступила. Уверен, она просто всплыла на эмоциях, но я буду не я, если не исполню её маленькое желание.

Я вкратце описал ему, что нужно сделать с Олегом. Гриша замер, а потом заржал так, что, кажется, его услышали на втором этаже.

— Хочешь его пришить? — сквозь смех спросил он.

— Нет. Простоними видео. Качественное. С того ракурса, о котором она просила.

— Жесть, — расхохотался Гриша, поднимаясь. — Такое мне по душе. Сделаем в лучшем виде, босс.

Как только дверь за гришей закрылась, я швырнул маску на стол и с силой потер лицо, стараясь согнать напряжение. Кожа под металлом зудела, но внутри жгло куда сильнее.

Направился в кабинет, подальше от лестницы. Идти к ней сейчас — чистое самоубийство. Не хватало еще сорваться, нарушить собственное слово и трахнуть её прямо там, наплевав на все договоры. Она была в бешенстве, а разъяренная Влада — это самый мощный афродизиак, который я когда-либо пробовал.

Каждое её дерзкое слово, каждый колючий взгляд только подливали масла в тот огонь, что полыхал у меня в венах. Стояк был таким болезненным, что хотелось выть. Она думает, что защищена своим «условием», но её сопротивление только раззадоривает во мне зверя.

Я рухнул в кресло и открыл ноутбук, выводя на экран камеры из её комнаты. Она сидела на полу, прислонившись спиной к кровати, и обнимала свои колени. Такая маленькая, хрупкая... и полностью моя.

— Посмотрим, как долго ты продержишься, ангелок.

Я достал из ящика бутылку крепкого виски. Мне нужно было залить это пламя внутри, прежде чем я сделаю глупость и выломаю дверь в спальню. Ведь я обещал ей, что она сама придет. И я сделаю всё, чтобы этот момент настал как можно скорее.

Когда за окном сгустилась полночь и тишина в доме стала осязаемой, я допил виски прямо из горла и побрел в спальню. Алкоголь приятно туманил сознание, притупляя острые углы ярости. Короткий горячий душ окончательно доконал меня — хмель ударил в голову с новой силой, и я буквально дополз до кровати, рухнув на простыни.

Её клубничный аромат окутал меня, как дурманящий кокон. Я был уверен, что мой ангел давно видит десятый сон, но стоило матрасу прогнуться под моим весом, как она вздрогнула. Влада резко развернулась, и в полумраке я почувствовал её ошеломленный взгляд.

— Ты... — выдохнула она, и этот звук был полон неверия.

— Я, — прохрипел я, не открывая глаз.

— Ты... — она снова заикнулась, не в силах закончить фразу.

Я нехотя оторвал голову от подушки и посмотрел на неё.

— Ты что, говорить разучилась, ангелок?

— Нет. Просто... это неожиданно.

И тут до меня дошло. Я без маски. Впервые за долгое время я стоял перед ней — точнее, лежал — полностью безоружным, выставив напоказ свое настоящее лицо. Черт. Чертова оплошность, виски сыграл со мной злую шутку. Но сил надевать металлическую клетку обратно не было.

— Спи, — прошептал я, снова проваливаясь в подушки.

— Слишком много слов для одной ночи.

Я притянул её к себе почти грубо, не давая шанса отстра-

ниться. Моя рука тяжелым замком легла на её талию, вжимая её хрупкое тело в мой раскаленный душем торс. В голове гудело от виски, но я чувствовал, как она замерла, боясь даже вздохнуть.

Она видела моё лицо. Впервые. Без холодного металла, без искажающих фильтров. Просто Максима Крестова — человека, которого она должна была ненавидеть, но чьё тепло сейчас заставляло её сердце колотиться о мои ребра, как сумасшедшее.

— Теперь ты меня убьешь? — её голос, приглушенный моей грудью, дрожал от каждого рваного вдоха. — За то, что я увидела тебя?

Я почувствовал, как её ресницы защекотали мою кожу. Она замерла, ожидая приговора, словно я был способен лишить её жизни за одну лишь случайную искру правды. Я усмехнулся, и этот звук отозвался тяжелой вибрацией в моих легких.

Я лишь крепче сжал её, утыкаясь носом в изгиб её шеи. Запах клубники и чистой кожи действовал сильнее любого алкоголя.

— Спи, ангелок, — прохрипел я, чувствуя, как сознание начинает медленно уплывать в темноту. — Пока я не передумал быть джентльменом.

Я вдыхал её клубничный аромат, наслаждаясь этой минутной капитуляцией. Влада лежала неподвижно, словно боясь спугнуть мгновение, но затем я почувствовал робкое, по-

что невесомое прикосновение. Её тонкие пальчики, всё ещё дрожащие от волнения, медленно поползли вверх.

Она изучала меня так, словно читала запретную книгу. Кончики пальцев коснулись моего лба, скользнули по переносице и замерли на шраме, который грубой линией пересекал мою губу. В этом жесте не было страха — только жгучее, болезненное любопытство.

— Козел, — едва слышно прошептала она, и в этом слове было больше нежности, чем во всех её предыдущих криках.

Она снова уткнулась носом мне в грудь, и спустя время я почувствовал, как её дыхание стало ровным и глубоким. Сон сморил её. Теперь настала моя очередь.

Я приподнялся на локте, рассматривая её лицо в слабом свете луны, пробивающемся сквозь шторы. Без нахмуренных бровей и вечного вызова во взгляде она казалась совсем девчонкой. Хрупкой, беззащитной... той, ради которой я был готов выжечь этот город до основания. Моя Влада. Мой личный грех.

— Ты только моя, — прошептал я, едва касаясь губами её виска. — И даже если ты возненавидишь меня за это утром, я никогда тебя не отпущу.

Я снова притянул её к себе, закидывая ногу поверх её бедер, и наконец позволил алкоголю и усталости утянуть меня в темноту, зная, что это — лучшая ночь за последние десять лет моей кровавой жизни.

Утро встретило меня глухим гулом в висках — расплата

за вчерашний виски. Я задержал взгляд на Владе: она спала, запутавшись в простынях, такая беззащитная и тихая, что на мгновение я забыл, сколько яда в этой девчонке, когда она открывает глаза. Укрыв своего «белого ворона» по самые плечи, я ушел.

Ледяной душ немного вправил мозги. Натянув чистую футболку, я побрел в кабинет. Гриша, как обычно, не спал — мой телефон разрывался от уведомлений. Отчеты по клану Волкова, передвижения Воронов, котировки... и, наконец, то самое сообщение, которое я ждал больше всего.

В чате висела одинокая ссылка на облако с пометкой:
«Кино готово. Оскар наш».

Я смотрел на экран, и в моем взгляде не было ни капли жалости. Только холодный расчет. Гриша выполнил всё до мельчайших деталей, превратив мимолетное желание Влады в кошмарную реальность.

На видео всё выглядело запредельно жестоко. Комната, залитая холодным светом ламп. Олег, привязанный к стулу, с капельницей — чтобы не сдох раньше времени. Его вопли, переходящие в хрип, когда нож коснулся плоти. Секунда — и его «мужская гордость», которой он так кичился перед Софией, превратилась в окровавленный кусок мяса.

Вероника. О, её ужас был почти осязаемым через экран. Она давилась слезами и собственной рвотой, когда этот кусок мышц силой заталкивали ей в глотку. Пытка удушьем и отвращением. Именно то, что мой ангел прошипела мне на

кладбище.

Я не был уверен, что моему ангелу придутся по вкусу такие «новости», но желания Влады для меня теперь — закон, а мечты, какими бы кровавыми они ни были, должны сбываться. Я отправил ссылку со скрытого номера и переключил экран на камеру в её спальне, делая вид, что погружен в отчеты.

Она проснулась медленно. Я видел через объектив, как тяжело вздымается её грудь под одеялом. О чем ты думаешь этим утром, милая? Снова кошмары или эхо вчерашних прикосновений? Она поднялась и исчезла в ванной на бесконечные полчаса.

Когда дверь открылась, и она вышла в комнату, у меня перехватило дыхание, а в груди стало тесно от хлынувшего к сердцу адреналина. Эта чертовка стояла посреди комнаты в одном нижнем белье — в кружеве, которое я выбирал, представляя его на её фарфоровой коже.

— Мой ангелок... — прохрипел я в пустоту кабинета.

Инстинкты сработали быстрее разума. Я преодолел лестницу и коридор за считанные секунды, движимый желанием. Я распахнул дверь спальни без стука. Влада взвизгнула, судорожно прикрываясь руками, но было поздно — образ уже выжегся на моей сетчатке.

— Проваливай! — выкрикнула она, в ужасе отступая к кровати.

Я молча захлопнул дверь и провернул ключ в замке. Щел-

чок прозвучал в тишине как выстрел, отрезая нас от всего мира.

— Не подходи, — её голос дрожал, она лихорадочно нащупывала на постели одежду, не сводя с меня глаз.

Я медленно двинулся на неё, чувствуя, как внутри просыпается зверь, которого она сама же разбудила этим дефиле.

Я видел, как расширяются её зрачки, когда она поняла, что бежать некуда. Она была такой беззащитной и одновременно такой дерзкой в этом кружеве, что мой самоконтроль держался на честном слове.

— Максим?.. Уходи! — её голос сорвался, когда я вырвал платье из её рук.

Я отшвырнул ткань в угол комнаты и одним слитным движением повалил её на постель. Влада ахнула, когда я навис сверху, прижимая её запястья к матрасу. На фоне темного белья её кожа казалась светящейся, а запах клубники стал таким невыносимо близким, что у меня потемнело в глазах.

— Доброе утро, ангелок, — прошептал я, медленно сканируя взглядом каждый изгиб её тела.

Она дрожала, её сердце билось о мои ребра, как пойманная птица, но она не пыталась вырваться. Напротив, я видел, как под прозрачным гипюром её соски предательски затвердели, выдавая её реакцию на мою близость. Тело никогда не лжет, даже если язык протестует.

— Ты обещал... не трогать, — пробормотала она, сбиваясь с дыхания.

— А я и не трогаю, — я усмехнулся, чувствуя, как внутри всё горит. — Я просто зашел пожелать тебе доброго утра. Это ведь вежливо, не так ли?

Между нами не осталось ничего, кроме этого наэлектризованного воздуха.

— Как спалось? — выдохнул я ей в губы.

— Нормально... — она едва слышно прошептала это, переводя взгляд на мой рот.

Я чувствовал её желание, смешанное с ужасом, и это было лучшей приправой к моему триумфу. Я мог бы взять её прямо сейчас, и она бы не сопротивлялась, но мне было нужно нечто большее. Мне нужно было, чтобы она сама сломала свои стены. Чтобы попросила.

Я резко отстранился, лишая её своего тепла, и встал.

— Славно. Тогда тебе лучше сначала прочитать сообщение на телефоне, а потом спускаться на завтрак. Жду тебя через пятнадцать минут.

Я вышел за дверь, не оборачиваясь, и услышал в спину её яростное «Козел!». Я лишь рассмеялся, спускаясь по лестнице. Игра становилась всё интереснее: мой ангел начала осознавать, что

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.